

СИСТЕМА РАСКОЛА · КНИГА ПЕРВАЯ

УКРОТИТЕЛЬ ИЗНАНКИ

Не бей сильнее. Заставь подчиниться.

РОСТ ТИРА

КОНТРАКТЫ

УГОЛЬ

МОРЕНА

СТЕКЛЯНА

МАТВЕЙ РАКИТИН

Матвей Ракитин

Укротитель Изнанки

<https://litres.ru/74369304>

SelfPub; 2026

Аннотация

Демьян Рокотов был обычным курьером — ровно до дня, когда небо пошло трещиной, а Система раздала всем классы и способности. Демьяну достался «Укротитель Изнанки» — специализация, которую сама Система сочла бесполезной: ни урона, ни щита, только странная способность подчинять побеждённых врагов.

Все считали его тиром Е. Все ошибались.

Один за другим Демьян заключает контракты не с покорными зверушками, а с существами, которых боятся целые кланы, — древней воительницей из костяных пластин, стеклянной аномалией нечеловеческой силы, зверем с асфальтовой шкурой. Вместе они заставляют считаться с собой районную «Стаю».

Но чем сильнее становится Демьян, тем яснее: кто-то наблюдает за ним издали. Кто-то, для кого весь Раскол — не катастрофа, а тщательно спланированный эксперимент.

Содержание

Укротитель Изнанки	4
Глава 1. Обычный вторник	5
Глава 2. День Раскола	15
Глава 3. Укротитель Изнанки	24
Глава 4. Первый разлом	34
Глава 5. Первый контракт	43
Глава 6. Цена внимания	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Матвей Ракитин

Укротитель Изнанки

Укротитель Изнанки

Матвей Ракитин

Глава 1. Обычный вторник

Будильник заорал в семь пятнадцать, как и полагается будильнику, у которого нет ни капли уважения к чужим планам на жизнь. Демьян Рокотов прожил с этим звуком три года и до сих пор не привык — каждое утро вздрагивал так, будто где-то рядом взорвался петардный набор целиком, а не пискнул дешёвый телефон за тысячу двести рублей с рук.

— Ну и кто тебя вообще спрашивал, — сказал он будильнику вслух, и будильник, разумеется, не ответил. Будильники вообще на редкость немногословные собеседники, если сравнивать с людьми, — что, честно говоря, было их главным достоинством в глазах Демьяна.

Он сел, потёр лицо ладонями, послушал, как за стеной сосед сверху начинает утреннюю программу «уронить что-то тяжёлое ровно в момент, когда я меньше всего этого жду», и мысленно устроил себе небольшую переключку: смена в восемь, заказов сегодня обещали много — понедельник был на удивление вялым, значит, вторник решил взять реванш, — велосипед со вчерашнего дня со спущенным задним колесом, а денег на нормальный насос хватало примерно наполовину.

Северодольск встречал утро тем же способом, каким встречал его последние двести с лишним лет, — вяло, с туманом над рекой и упрямым нежеланием просыпаться рань-

ше девяти. Демьян этот город любил ровно настолько, насколько можно любить место, где родился и из которого ни разу толком не пытался уехать: не восторженно, но и без особой обиды. Городу, если разобраться, было плевать, любит его кто-то или нет, — примерно как будильнику.

Курьером Демьян стал не по призванию, а по стечению обстоятельств, которое задним числом легко было выстроить в стройную историю про «жизненный путь», а на самом деле состояло из трёх случайностей подряд. Сначала — колледж, откуда он ушёл после второго курса, поняв, что специальность «техник по обслуживанию холодильного оборудования» интересует его примерно так же, как холодильное оборудование интересуется им. Потом — склад строительного магазина, где он продержался восемь месяцев, пока склад не закрылся вместе с половиной сети. И, наконец, — доставка, куда он пришёл «на пару месяцев, пока не найду что-то нормальное», и где эти пару месяцев незаметно превратились в два года. Демьян не то чтобы стыдился этой истории — просто она не годилась для рассказа за столом на праздники, поэтому на вопрос «а ты кем работаешь» он обычно отвечал коротко: «курьером», — и почти никогда не уточнял детали, если только собеседник не проявлял подозрительное упорство.

Курьером Демьян работал уже второй год. Работа была так себе — не то чтобы плохая, но и не такая, о которой хочется рассказывать на вопрос «а чем ты занимаешься» с

горящими глазами. Крутишь педали, привозишь людям еду, которую они сами могли бы приготовить за те же двадцать минут, получаешь на карту сумму, которую язык не поворачивается назвать зарплатой, зато с гордым названием «выплата», слушаешь, как приложение вежливым женским голосом сообщает, что «заказ №4471 ожидает вас», и стараешься не думать о том, что номер заказа — это, по сути, единственная цифра во всей его жизни, которая хоть как-то растёт.

Он позавтракал бутербродом, который громко называл «сэндвичем», когда было настроение приврать самому себе, натянул форменную куртку — синюю, с логотипом доставочного сервиса, до неприличия жизнерадостным для семи утра, — и вышел на лестничную клетку, где, как обычно, пахло чужим кофе и чьим-то не самым удачным решением готовить яичницу с луком в половине седьмого.

— Рокотов! — окликнул его со двора Григорьич, дворник, философ и, по совместительству, единственный человек в доме, который знал по именам вообще всех жильцов. — Колесо-то так и не починил?

— Починю, — соврал Демьян с той лёгкостью, с которой врут все люди, точно знающие, что не починят.

— Ну-ну, — сказал Григорьич тоном человека, которому лгали тысячу раз и который давно перестал на это обижаться, и вернулся к своей метле с таким видом, будто во дворе шла многолетняя война с осенними листьями, а он был единственным, кто ещё держит фронт.

Демьян доехал до пункта выдачи заказов минут за пятнадцать, борясь со спущенным колесом и с собственным нежеланием окончательно проснуться. У входа уже топтались двое коллег — Санёк, вечно всем недовольный студент-заочник, и тётя Валя, которая была курьером дольше, чем Демьян вообще работал где-либо, и считала своим долгом делиться с молодёжью житейской мудростью в промышленных масштабах.

— Опять этот твой велик, — сказал Санёк, кивнув на заднее колесо. — Ты бы взял кредит на нормальный.

— На нормальный велосипед?

— На нормальную жизнь, — уточнил Санёк с видом человека, который только что сказал что-то очень глубокое, и полез проверять телефон.

Тётя Валя посмотрела на обоих с тем выражением лица, с каким смотрят на котят, которые дерутся за диванную подушку, не замечая, что рядом стоит целая миска с кормом.

— В моё время, — начала она привычную присказку, и Демьян приготовился слушать про времена, когда доставка была на мопедах без всякого приложения, а люди «умели ждать», — но договорить она не успела: у неё зазвонил телефон, и она умчалась получать заказ с той скоростью, какую сложно было заподозрить в человеке её возраста.

Демьян тоже получил заказ — суши в офис на другом конце квартала, — закинул пакет в термосумку и покатил через центр, мимо памятника основателю города (местные звали

его исключительно «дядя с голубем», хотя голубь на памятнике сидел временно, по собственной инициативе, а не по замыслу скульптора), мимо рынка, где уже вовсю торговали клубникой сомнительного происхождения, мимо школы номер семь, откуда доносился до странного бодрый для утра понедельника — то есть вторника — детский гвалт.

Северодольск был обычным городом на четыреста с небольшим тысяч жителей — не столица, не курорт, не место, о котором пишут в путеводителях больше одного абзаца. Здесь были свои районы получше и похуже, своя набережная, по которой приятно гулять летом и совершенно невозможно зимой, свой драмтеатр, куда Демьян не ходил ни разу в жизни, и своя, чисто городская, легенда о призраке старой фабрики на окраине — легенда, в которую никто особо не верил, но рассказывать любили все.

Ничего в это утро не предвещало, что через несколько часов слово «легенда» приобретёт для города совершенно другой смысл.

Суши он довёз тёплыми — то есть настолько тёплыми, насколько вообще могут быть суши, доставленные на велосипеде в июльскую жару, — получил четыре звезды из пяти («минус звезда за то, что рис немного слипся», — гласил отзыв, будто Демьян лично отвечал за физику риса), и покатиł обратно к пункту выдачи.

День шёл своим чередом. Заказ — дорога — доставка — четыре звезды из пяти — заказ снова. Где-то между третьим

и четвёртым Демьян успел подумать, что если бы кто-то двадцать лет назад сказал ему, будущему первокласснику с рюкзаком в виде черепашки, что во взрослой жизни главным профессиональным навыком станет умение не пролить соус для суши на светофоре, он бы, наверное, не поверил. А зря — жизнь вообще любила подкидывать такие детали, о которых заранее никто не предупреждает.

Пятый заказ дня едва не стал последним в буквальном смысле: пожилой мужчина на въезде во двор элитной новостройки «Ривьера-парк» (реки поблизости не было, парка тоже, но застройщик, видимо, решил, что вода и зелень — необязательные детали для названия) распахнул шлагбаум прямо перед передним колесом, даже не взглянув в сторону велосипедной дорожки. Демьян успел затормозить, здорово ободрав ладонь о руль, и мужчина посмотрел на него с тем выражением лица, с каким смотрят на неудачно припаркованную тележку из супермаркета — то есть без малейшего чувства вины.

— Ты бы поосторожнее, — сказал мужчина, садясь в машину, будто это Демьян только что чуть не попал под шлагбаум, а не наоборот.

— Обязательно, — ответил Демьян, зализывая ссадину и вежливо улыбаясь тем особым способом, которым улыбаются люди, зарплата которых прямо зависит от рейтинга вежливости в приложении.

Заказчица из «Ривьера-парка» — молодая женщина в

спортивном костюме, явно только что вернувшаяся с йоги, — приняла бургеры с таким видом, будто ей принесли не еду, а немного стыдную посылку, которую лучше не обсуждать при свидетелях, буркнула что-то вроде «спасибо» и захлопнула дверь, не оставив ни чаевых, ни отзыва вообще. Демьян философски рассудил, что отсутствие единицы — это уже маленькая победа по меркам сегодняшнего дня, и покатил обратно к пункту выдачи, попутно замечая, что во дворах стало необычно тихо — ни привычного лая соседской собаки, которая облаивала всех курьеров без разбора вот уже третий год подряд, ни голубей на карнизах, ни даже вечно орущих детей с площадки у второго подъезда. Городская фауна, судя по всему, что-то почувствовала раньше людей — но Демьян в тот момент списал это на жару и поехал дальше.

К обеду небо начало хмуриться — не грозово, а как-то странно, будто раздумывая, какую погоду сегодня показать зрителям. Демьян не обратил на это особого внимания: в Северодольске небо передумывало по три раза на дню, это было почти достопримечательностью, о которой шутили больше, чем о призраке фабрики.

— Погодка сегодня подозрительная, — заметила тётя Валя, когда они снова столкнулись у пункта выдачи ближе к четырём. — У меня колено ноет с самого утра, а оно у меня барометр получше любого телевизора.

— Дождь, что ли, будет? — спросил Санёк, не отрываясь от телефона.

— Что-то будет, — туманно ответила тётя Валя, и в этой фразе, если бы кто-то в тот момент умел слышать иронию судьбы, было куда больше правды, чем в любом прогнозе погоды за последние сто лет.

Демьян в это время как раз получил новый заказ — на этот раз доставка на другой конец города, к разросшимся новостройкам у реки, — и, коротко попрощавшись с коллегами, покатил через центр в сторону моста. Он ехал привычным маршрутом, мимо тех же домов, того же рынка, той же школы номер семь, из которой теперь доносился совсем не детский гвалт, а обычная послеобеденная тишина, и думал о вещах абсолютно бытовых: что вечером надо будет всё-таки заехать в веломастерскую, что денег до конца месяца должно хватить впрытык, и что суши он, наверное, никогда в жизни не полюбит, сколько бы их ни возил.

Мысль о том, что этот вторник вообще-то ничем не отличается от предыдущих семисот с чем-то вторников его жизни, была последней по-настоящему спокойной мыслью Демьяна Рокотова за очень долгое время вперёд.

Он как раз выехал на мост, когда небо над рекой издало звук, которого не издают ни грозы, ни самолёты, ни вообще что-либо, знакомое человеческому уху, — низкий, ровный, будто кто-то очень большой одним движением надорвал гигантский лист плотной бумаги. Демьян остановился, поставив ногу на асфальт, и посмотрел вверх вместе с десятком других людей на мосту, которые сделали то же самое движе-

ние — синхронно, не сговариваясь, как будто их всех дёрнули за одну невидимую нитку.

Прямо над центром Северодольска, там, где ещё секунду назад висело обычное, слегка мутное от жары летнее небо, медленно, но совершенно отчётливо расходилась трещина — не облако, не дым, не оптический обман, а именно трещина, будто небесный свод был не небом вовсе, а куполом из тонкого, готового треснуть стекла.

И из этой трещины, тонкой поначалу, но расширяющейся прямо на глазах, наружу хлынул свет — неправильный, неестественно ровный, того холодного оттенка, какой не бывает ни у солнца, ни у молний, ни у чего-либо, что Демьян видел за все двадцать четыре года своей вполне обычной жизни.

Кто-то на мосту закричал. Кто-то, наоборот, замолчал так резко, будто у него разом кончился воздух. Женщина рядом с Демьяном выронила телефон, даже не заметив этого, — экран треснул об асфальт с сухим, неприметным звуком, совершенно потерявшимся на фоне того, что творилось в небе. Водитель на мосту вдавил тормоз посреди дороги, и машина позади него, не успев среагировать, врезалась в задний бампер с гулким, глухим ударом — но даже это никого особенно не взволновало: все смотрели вверх.

Трещина расширялась неровными рывками, будто что-то по ту сторону неба пыталось решить, стоит ли ломать дальше, — и с каждым таким рывком воздух над рекой чуть за-

метно вздрагивал, как вздрагивает поверхность воды от далёкого взрыва. Демьяну на мгновение показалось, что он слышит не только звук, но и чувствует его — низкое гудение где-то в груди, будто кто-то приложил к его рёбрам динамик на полную громкость и забыл выключить.

Его собственный телефон в кармане куртки коротко пискнул — не привычным звуком заказа, а чем-то новым, отрывистым, будто приложение доставки вдруг решило заговорить на незнакомом языке. Демьян машинально потянулся за ним, но так и не достал: в этот момент термосумка с чужим заказом суши выскользнула из рук и глухо шлёпнулась на асфальт, и в этот самый момент он понял, что вечер в веломастерской, скорее всего, придётся отменить — как, судя по всему, и вся его прежняя, обычная жизнь целиком.

Глава 2. День Раскола

Трещина над рекой лопнула не сразу — она ещё секунды три растягивалась, будто нехотя, а потом разошлась одним движением, как рвётся туго натянутая ткань, если её наконец додёргать до конца. Из разрыва хлынул не свет уже, а что-то плотнее света — воздух над мостом на мгновение стал видимым, пошёл рябью, как асфальт в жару, только в сто раз гуще, — и в эту рябь, прямо посреди проезжей части, шагнуло нечто, чего в Северодольске отродясь не водилось.

Оно было размером с крупную собаку, но собакой не являлось ни единой своей частью: серая, будто обугленная шкура, слишком много суставов на слишком коротких лапах и голова, которая казалась вылепленной наспех, из приблизительного представления о том, что такое голова вообще. Существо дёрнулось, приняхалось — Демьян готов был поклясться, что у него не было ничего похожего на нос, — и с гортанным треском бросилось на ближайшую машину.

Дальше время перестало идти ровно, как идёт обычно, а начало дёргаться рывками, будто кто-то склеивал день из обрывков, забыв половину монтажных склеек. Демьян помнил истошный женский крик где-то слева. Помнил, как мужчина в костюме, минуту назад что-то деловито говоривший в телефон, бросил телефон вместе с портфелем и побежал, не разбирая дороги, прямо на встречную полосу. Помнил хруст

— короткий, страшный своей обыденностью, — с которым существо снесло капот той самой машины, что чуть раньше врезалась в задний бампер, и как из-под колёс кто-то не успел выбраться.

Он не видел, кто именно. Он потом много раз пытался вспомнить лицо, силуэт, хоть что-то, — и не смог, и от этого было почему-то ещё хуже, будто отсутствие памяти делало произошедшее более настоящим, а не менее.

— Бежим! — заорал кто-то рядом, и чья-то рука рванула его за плечо куртки с такой силой, что Демьян едва не полетел с велосипеда. — Ты чего встал, придурок, бежим!

Он побежал. Не потому, что принял решение, не потому, что взвесил варианты и выбрал бегство как наиболее рациональную стратегию, — а потому, что тело само дёрнулось в ту сторону, куда дёрнулись все остальные тела вокруг, и разум просто не успел вмешаться в этот процесс. Велосипед он бросил прямо на мосту — потом будет долго и глупо жалеть об этом, хотя жалеть о велосипеде в день, когда небо треснуло, было, наверное, худшим применением человеческой психики за всю историю вида.

Где-то на бегу телефон в кармане завибрировал — не привычным сигналом заказа, а протяжным, тревожным звуком, каким телефоны обычно предупреждают о грозе или о том, что где-то далеко объявили штормовое предупреждение. Демьян на ходу выхватил его и увидел на экране, поверх треснувшего от падения стекла, короткое сообщение от системы

оповещения: «Внимание. Чрезвычайная ситуация федерального масштаба. Сохраняйте спокойствие. Следуйте указаниям экстренных служб». Указаний при этом никаких не прилагалось — видимо, экстренные службы в данный момент были заняты примерно тем же, чем и все остальные: бежали и пытались не думать о том, что происходит.

Он попробовал набрать Санька — просто потому, что рука сама потянулась к списку последних контактов, — но гудков не было вообще, только короткое, равнодушное «сеть перегружена». Попытка дозвониться до тёти Вали дала тот же результат. Демьян сунул телефон обратно в карман с ощущением, будто только что захлопнул дверь в комнату, где, возможно, кто-то нуждался в помощи, а он не смог даже узнать, жив ли этот кто-то, — но задерживаться, чтобы разобраться в этом чувстве, не было ни секунды.

Мост превратился в узкое горлышко, в которое одновременно пыталась протиснуться половина центра города. Кто-то падал, кто-то поднимался, кто-то не поднимался вовсе, и Демьяна несло в этой человеческой реке скорее по инерции, чем по собственной воле, — он не бежал героически, расталкивая слабых, не тащил на себе раненых, не оборачивался, чтобы дать отпор твари сзади. Он просто бежал, как бежит любой нормальный человек, у которого инстинкт самосохранения работает исправно, — то есть некрасиво, судорожно и очень быстро.

Существо на мосту оказалось не одно. Со стороны набе-

режной донёсся второй такой же гортанный треск, потом третий — где-то дальше, у драмтеатра, куда Демьян не ходил ни разу в жизни и теперь, кажется, уже никогда не собирался, — и весь город вдруг наполнился одним общим звуком, из тысяч отдельных криков сложившимся в сплошной низкий гул, вроде того, что издаёт улей, если его как следует пнуть.

Над крышами в стороне рынка, где утром всюю торговали клубникой сомнительного происхождения, поднимался чёрный, неровный столб дыма — то ли что-то загорелось само, то ли кто-то из паникующих водителей не справился с управлением. В другой стороне, ближе к школе номер семь, откуда ещё утром доносился бодрый детский гвалт, тонко и настойчиво выла сирена — та самая, которую в Северодольске проверяли раз в год, по первым средам сентября, и которую никто никогда не слышал в настоящем деле. Теперь она выла так, будто у неё наконец появилась работа, для которой её изначально и придумывали, и от этого звук казался ещё страшнее, чем от самих тварей.

Демьян не мог знать в тот момент, сколько именно разломов раскрылось по городу разом — десять, тридцать, сотня, — и не мог знать, что тем же самым вопросом в ту минуту задавались миллионы людей в тысячах других городов, от которых Северодольск отделяли тысячи километров, но которых объединяло теперь одно и то же треснувшее небо. Ему было, если начистоту, совершенно не до масштаба происходящего — хватало и одного моста, и одной подворотни, до

которой ещё нужно было добраться живым.

Демьяна спасла не храбрость и не реакция, а обычная, глупая случайность: пожилая женщина впереди него оступилась на бордюре и упала, и он, не успевая затормозить, налетел на неё и повалился следом — за долю секунды до того, как над тем местом, где он только что стоял, пронеслось что-то тяжёлое, с силой впечатавшееся в фонарный столб позади. Столб согнулся пополам с металлическим скрежетом. Если бы Демьян не упал, согнулся бы, судя по всему, не столб.

— Простите, простите, — забормотал он, помогая женщине подняться, хотя извиняться, если вдуматься, следовало бы существу, а не ему, — простите, вы целы?

Женщина, кажется, была в шоке слишком глубоким, чтобы ответить, — она просто вцепилась в его рукав обеими руками и держалась так, будто он был единственной твёрдой точкой в мире, который решил в один момент перестать быть твёрдым вообще. Демьян потащил её за собой — уже не бездумно, а хотя бы в сторону подворотни между домами, подальше от открытого пространства моста, — и там, в узком проходе, пропахшем мусорными баками и чужим страхом, обе они наконец остановились, привалившись к стене.

— Меня Клавдия Петровна зовут, — сказала женщина неожиданно ровным голосом, будто, назвав себя, могла хоть немного вернуть миру утраченную устойчивость. — Я на пенсию сегодня шла оформлять документы. В МФЦ. Вы представляете — я на пенсию шла оформлять документы, а

тут это.

— Демьян, — представился он в ответ, потому что вежливость, судя по всему, оставалась последней твёрдой опорой, которая ещё работала исправно даже посреди конца света. — Вы правда целы? Не ударились нигде?

— Ударилась гордостью, — ответила Клавдия Петровна с той неуместной, почти геройской иронией, на которую иногда способны только очень напуганные и очень опытные жизнью люди одновременно, и тут же осеклась, прислушиваясь к звукам снаружи — треску, крикам, далёкому вою сирены. — Что это вообще было, молодой человек? Вы что-нибудь понимаете?

Демьян не понимал ровным счётом ничего, но признаваться в этом вслух не было ни времени, ни особого смысла — да и вряд ли какое-нибудь разумное объяснение в тот момент могло принести Клавдии Петровне больше пользы, чем просто крепкая стена подворотни за спиной и человек рядом, который пока не собирался никуда убегать.

— Кажется, — сказал он вместо этого, — сегодня у всех какой-то не самый удачный вторник.

Клавдия Петровна издала короткий, нервный смешок — не потому, что это было особенно смешно, а потому, что смех иногда оказывается единственной законной формой, в которую можно облечь панику, не срываясь при этом в настоящий крик. Где-то за углом, на соседней улице, проехала машина с проблесковыми маячками — судя по звуку сире-

ны, не скорая и не полиция, а что-то военное, тяжёлое, с ревущим на пределе двигателем, — и тут же скрылась из виду, не останавливаясь ни у одного из домов вокруг. Значит, там, куда она направлялась, дела обстояли ещё хуже, чем здесь.

Минуту или две они простояли молча, вслушиваясь в город снаружи, — крики понемногу редели, но не потому, что становилось спокойнее, а потому, что кричать без конца, судя по всему, устаёт даже человеческое горло. В глубине двора, за спиной подворотни, мелькнула тень — не человеческая, слишком низкая и слишком широкая, — прошла вдоль дальней стены, обнюхивая мусорные контейнеры с той же деловитой неспешностью, с какой соседская собака обычно проверяла помойки по утрам, и скрылась за углом, так и не заметив двоих людей, замерших в трёх метрах от неё. Демьян не дышал, кажется, все те секунды, что тень оставалась в поле зрения, — и выдохнул только тогда, когда звук её шагов окончательно стих где-то в глубине квартала.

Клавдия Петровна беззвучно, одними губами, произнесла что-то похожее на «Господи», прижала ладонь к груди и медленно сползла по стене вниз, садясь прямо на грязный асфальт подворотни, — ноги, судя по всему, отказались держать её ровно в тот момент, когда опасность на мгновение отступила, а не тогда, когда она была рядом. Демьян узнал это состояние: примерно то же самое чувствовал он сам, только предпочитал пока стоять, потому что справедливо подозревал, что, сев один раз, подняться снова будет намного

труднее.

— Вы посидите здесь немного, — сказал он тихо, опускаясь рядом с ней на корточки. — Отдышитесь. Я никуда не уйду.

Обещание вышло странное — он и сам не был уверен, сможет ли его сдержать, если из-за угла снова покажется что-то похожее на тень, — но произнести его вслух почему-то было необходимо, как будто одни только слова уже немного удерживали мир от того, чтобы развалиться окончательно.

Именно там, в этой вонючей, спасительной подворотне, мир вокруг Демьяна на мгновение погас — не в смысле света, а в каком-то другом, более странном смысле, будто кто-то на долю секунды выключил звук, запах и ощущение собственного тела разом. А когда всё вернулось, прямо перед глазами, не на сетчатке и не в воздухе, а как будто одновременно и там, и там, и нигде конкретно, возник ровный, слегка светящийся прямоугольник текста.

«Активация завершена. Адаптационный период закрыт. Доступен выбор класса. Продолжить?»

Демьян несколько секунд стоял неподвижно, глядя на слова, которые не имели никакого права существовать между ним и стеной подворотни, — а мимо, метрах в тридцати, всё ещё бежали люди, всё ещё что-то трещало и билось, а где-то совсем близко второй раз за минуту раздался тот самый низкий, ровный гул, предвещавший появление ещё одной твари.

Клавдия Петровна, судя по всему, видела перед собой

ровно то же самое — она вскинула голову, глядя куда-то сквозь Демьяна, и её губы беззвучно зашевелились, повторяя, видимо, ту же самую строчку про адаптационный период и выбор класса, которую в этот момент читал весь Северодольск разом, а вместе с ним — судя по интонации той тревожной рассылки на телефоне — и вся остальная планета. Мысль о том, что где-то там, в тысячах километров отсюда, точно такой же прямоугольник текста сейчас читает какой-нибудь не знакомый ему человек, показалась Демьяну одновременно жутковатой и странно успокаивающей — по крайней мере, это означало, что он не сходит с ума в одиночку.

Первой связной мыслью, которая пробилась сквозь панику, был не страх и даже не удивление, а нелепая, почти обиженная досада на весь этот день целиком.

«Ну офигеть, — подумал Демьян Рокотов, глядя на светящуюся надпись, которая спокойно ждала его ответа, будто вежливый официант, безразличный к тому, что творится в зале ресторана. — Только бы не что-нибудь совсем позорное».

Он выдохнул, и почти против воли — потому что вариантов, кроме как ткнуть пальцем в пустоту перед собой, реальность в тот момент попросту не предлагала, — коснулся невидимого «продолжить».

Глава 3. Укротитель Изнанки

Прямоугольник текста мигнул, будто задумался, — и через долгую, неприлично долгую для человека, у которого сердце и так колотилось где-то в горле, секунду выдал ответ:

«Класс определён: Укротитель Изнанки. Тир: Е. Базовая специализация: подчинение. Активные навыки: заблокированы до первого контакта. Пассивные навыки: Метка Изнанки (пассивно)».

Демьян перечитал это трижды, надеясь, что при третьем прочтении текст как-нибудь сам себя объяснит подробнее. Не объяснил. «Тир: Е» звучало не как оценка, а как приговор, вынесенный настолько буднично, что от этого становилось только обиднее, — примерно как если бы врач, сообщая диагноз, между делом зевнул.

— Что там у вас? — спросила Клавдия Петровна, тоже, судя по остекленевшему взгляду, разглядывавшая собственный прямоугольник текста где-то в пустоте перед собой.

— Укротитель, — сказал Демьян с интонацией человека, признающего в не самой престижной болезни. — Тир Е. А у вас?

Клавдия Петровна нахмурилась, вглядываясь в свою надпись ещё секунду, а потом фыркнула — коротко, почти весело, будто нашла в происходящем хоть что-то, над чем можно было посмеяться без чувства вины.

— «Хранитель Очага», — прочитала она вслух. — Домашний класс, пишут. Бытовые навыки, восстановление, что-то про запасы еды. Тоже, видимо, не самый героический вариант.

— Значит, нас таких двое, — сказал Демьян, и в этой фразе, как ни странно, нашлось неожиданно много утешения — не потому, что общая неудача становится меньше от того, что она общая, а потому, что переставать чувствовать себя единственным неудачником посреди всего этого хаоса было уже само по себе неплохо.

Он попробовал вызвать что-то похожее на подробное описание класса — просто мысленно потянулся к надписи «Укротитель Изнанки», примерно как тянутся пальцем к непонятной кнопке в надежде, что она сама объяснит своё назначение, — и перед глазами послушно развернулось ещё одно окно, на этот раз чуть подробнее:

«Метка Изнанки (пассивно): позволяет носителю распознавать существ и объекты, связанных с активностью разломов, на расстоянии до пятнадцати метров. Активные навыки специализации „Подчинение” раскрываются по мере первого прямого контакта с целью, пригодной для приручения. Рекомендация системы: избегать прямого противостояния с враждебными сущностями до раскрытия активных навыков».

«Рекомендация системы», — мысленно повторил Демьян с той особой, горькой иронией, которая появляется у чело-

века, когда ему советуют не делать именно то, чего он и не планировал делать по доброй воле. Избегать противостояния звучало прекрасно в теории — на практике же полчаса назад противостояние само нашло его посреди моста, никаких рекомендаций не спрашивая. Он закрыл окно тем же неопределённым мысленным жестом, каким открыл, и решил, что разбираться в тонкостях собственной «специализации» будет чуть позже, желательно в условиях, менее располагающих к паническим атакам.

Была, впрочем, в слове «подчинение» и своя, отдельная, неприятная ирония, которую Демьян сумел оценить в полной мере только сейчас, стоя в вонючей подворотне и разглядывая обрывок системного текста. Вся его прежняя жизнь, если смотреть на неё честно, состояла преимущественно из подчинения — расписанию доставки, требованиям заказчиков, четырёхзвёздочным оценкам за слипшийся рис, которого он даже не готовил. Он не спорил с начальством, не качал права из-за задержанной выплаты, вежливо улыбался хамоватым клиентам вроде того мужчины у шлагбаума — и вот теперь система, судя по всему, посмотрела на двадцать четыре года этой тихой, покладистой жизни и решила, что перед ней стоит прирождённый специалист именно по этой части, только вывернутой наизнанку: не подчиняться самому, а подчинять себе других. От этой мысли Демьяну одновременно захотелось грустно усмехнуться и на секунду по-настоящему разозлиться — не на систему, а на всю предыду-

щую жизнь, которая, оказывается, готовила его к этому моменту методами, которые сам он никогда бы не выбрал добровольно.

Из дальнего конца подворотни, со стороны улицы, донёлся восторженный, почти детский вопль:

— У МЕНЯ ОГОНЬ! У МЕНЯ, СУКА, НАСТОЯЩИЙ ОГОНЬ!

Демьян осторожно выглянул из-за угла. На тротуаре, посреди толпы, всё ещё не до конца пришедшей в себя, стоял парень лет двадцати — знакомое, кажется, лицо, кто-то из соседнего двора, — и с абсолютно счастливым видом рассматривал собственную ладонь, на которой, будто она была создана для этого всю жизнь, плясал маленький, но совершенно настоящий огонёк. Вокруг парня уже начала собираться толпа зевак, кто-то восхищённо ахал, кто-то доставал телефон, чтобы снять происходящее, — как будто пять минут назад по этой же самой улице не бежали люди от твари, снёсшей капот машины.

— «Искровой маг», тир D, — прочитал парень вслух с гордостью человека, только что выигравшего в лотерею, и толпа одобрительно загудела.

Демьян почувствовал короткий, стыдный укол зависти — не за огонь как таковой, а за то, с какой ясностью система объяснила этому парню, чем именно он теперь занимается в жизни. «Искровой маг» — было понятно с первого слова. «Укротитель Изнанки, тир E, активные навыки заблокиро-

ваны» — не объясняло вообще ничего, кроме того, что радоваться, судя по всему, рано.

— Не расстраивайтесь, молодой человек, — сказала Клавдия Петровна, каким-то образом умудрившись прочесть это по его лицу. — Огонь в руках — это, конечно, эффектно. Но я вот тридцать лет проработала кастеляншей в больнице, и поверьте мне на слово: самые нужные люди в трудной ситуации — почти никогда не те, кто громче всех кричит про свой огонь.

Демьян не был уверен, что кастелянша больницы — лучший источник стратегической мудрости насчёт того, как выжить в мире, где по небу расходятся трещины, но что-то в её спокойном, будничном тоне действительно помогало — примерно так же, как помогает любой голос, звучащий разумно посреди всеобщей паники, независимо от того, чему конкретно он посвящён.

Дальше события пошли чуть более упорядоченно, чем всё, что происходило до этого. Со стороны набережной подтянулись первые машины экстренных служб — не только скорая и полиция, но и незнакомые Демьяну фургоны без опознавательных знаков, из которых выгружались люди в тяжёлой броне, слишком тяжёлой и слишком новой на вид для обычного ОМОНа. Кто-то из них начал разматывать сигнальную ленту вдоль моста, кто-то — громко, через мегафон, требовать от толпы разойтись по домам «до особого распоряжения», хотя никакого распоряжения, судя по инто-

нации говорившего, ещё ни у кого не было.

Мегафон между тем продолжал вещать — сухо, по-военному, без единой попытки успокоить, — что въезд и выезд из центрального района временно ограничен, что гражданам следует «оставаться на месте или следовать в ближайшие пункты сбора», и что «работа экстренных служб организована в штатном режиме», хотя ни штатным, ни режимом происходящее назвать не поворачивался язык ни у кого из тех, кто эти слова слушал. Демьян заметил, как один из людей в тяжёлой броне коротко переговорил по рации, кивнул и махнул рукой в сторону набережной — и через минуту туда же, тяжело переваливаясь на брусчатке, проехала машина, из кузова которой торчало что-то, отдалённо напоминающее крупнокалиберный пулемёт, укрытый брезентом наспех, будто его вытащили со склада двадцать минут назад и не успели толком подготовить. Судя по всему, кто-то в городских, а может, и не только городских, структурах либо давно готовился к подобному сценарию, либо оказался способен собраться с пугающей скоростью, — и оба варианта одинаково не добавляли Демьяну спокойствия.

К Клавдии Петровне, расталкивая толпу, пробилась заплаканная женщина лет сорока — как выяснилось через секунду, дочь, — и вцепилась в мать с той силой, с какой обычно цепляются за что-то, что чуть не потеряли навсегда. Демьян тактично отступил на шаг, дав им обняться, и почувствовал странное, совершенно неуместное в данной ситуа-

ции одиночество: рядом с ним самим сейчас не было никого, кто прибежал бы вот так же, расталкивая толпу.

— Спасибо вам, молодой человек, — сказала Клавдия Петровна, оборачиваясь к нему уже из объятий дочери. — Правда. Я запомню.

— Не за что, — ответил Демьян, и это было, пожалуй, единственной за весь день фразой, которую он произнёс, не покрывив душой ни на грамм.

Он остался один на тротуаре, среди толпы, которая понемногу редела, — кто-то расходился по домам, кто-то, наоборот, толкался ближе к оцеплению, пытаясь разглядеть подробности. Демьян решил, что с него подробностей на сегодня достаточно, и достал телефон ещё раз — уже не ради Санька или тёти Вали, а ради матери, которая жила в соседнем районе, в пяти минутах езды на том самом велосипеде, что теперь так и остался лежать поперёк моста. Сеть по-прежнему была перегружена, гудков не было вообще, и от этого молчания внутри у Демьяна что-то неприятно, тонко заныло — не паника ещё, но её близкий, хорошо узнаваемый родственник.

Дом матери был как раз по пути, если срезать через дворы, а не тащиться в обход по проспекту мимо оцепления, — и решение свернуть туда пришло само собой, без долгих раздумий: о брошенном на мосту велосипеде вспоминать не хотелось, зато мысль о том, чтобы лично убедиться, что с матерью всё в порядке, отодвинула на второй план даже усталость

и медленно накатывающую дрожь в руках, обычную для человека, которого несколько раз за один час чуть не убили. До её дома было минут двадцать пешком через проходные дворы — время, которого, как оказалось, ему не дали вовсе.

Он не прошёл и двух кварталов, срезав путь через дворы знакомого с детства маршрута — мимо гаражей, где когда-то они с пацанами со двора гоняли в футбол консервной банкой вместо мяча, мимо старой трансформаторной будки, разрисованной граффити ещё до его рождения, — когда воздух впереди, между двумя пятиэтажками, пошёл уже знакомой рябью — не такой мощной, как над рекой, размером всего в несколько метров, но безошибочно узнаваемой. Дворовая детская площадка, качели, песочница с забытым игрушечным экскаватором — и прямо над всем этим, разрастаясь неторопливо, но неотвратимо, открывался новый разлом, на этот раз совсем рядом, на этот раз без толпы, без брони и мегафонов, без Клавдии Петровны и её спокойного больничного здравого смысла.

Двор был пуст — все, кто мог убежать при первых звуках сирены, уже, видимо, сделали это несколько часов назад, а те немногие окна, что ещё горели в пятиэтажках вокруг, были плотно занавешены, будто задёрнутые шторы могли хоть как-то защитить от того, что происходило снаружи. Ни родителей с детьми, ни случайных прохожих, ни даже традиционных дворовых старушек на лавочке — только Демьян, детская площадка и медленно разгорающийся над песочни-

цей разрыв в самой ткани обычного, привычного вторника.

Из глубины рябящего пятна донёсся тот же гортанный треск, что и на мосту, — только на этот раз ближе, отчётливее, без сотни других звуков вокруг, которые могли бы его хоть немного заглушить. Демьян отступил на шаг, чувствуя спиной холодный металл гаражной стены, и понял, что отступать дальше буквально некуда.

Он огляделся ещё раз, уже без всякой надежды найти путь, который пропустил в первый раз. Дворы за спиной вели обратно к оцеплению — но по прямой это было минуты три бегом, а разлом уже дышал в лицо жаром, каким не пахнет ни одна нормальная погода. Слева — глухая стена гаражей, справа — забор соседней школы, слишком высокий, чтобы перелезть за оставшиеся секунды. Бежать было, по сути, некуда — а разлом, судя по всему, вовсе не планировал вежливо ждать, пока кто-нибудь примет решение.

Где-то на самом краю сознания, там, где полчаса назад висел равнодушный системный текст про «тир Е» и «рекомендацию избегать противостояния», что-то тихо, почти незаметно шевельнулось — не голос, не подсказка, а скорее ощущение, с каким смотришь на незнакомый механизм и вдруг понимаешь, что твоя рука уже сама тянется к нужному рычагу, хотя разум ещё не успел объяснить себе, откуда взялась эта уверенность. Метка Изнанки, судя по всему, наконец нашла себе применение, о котором её краткое системное описание предпочло умолчать: сквозь рябь разлома Демьян от-

чётливо, будто сквозь мутное стекло, различил уже не просто разрыв пространства, а что-то — или кого-то, — что находилось по ту сторону и явно двигалось прямо в его сторону.

Разлом дрогнул в последний раз и лопнул.

Глава 4. Первый разлом

Тварь, вышедшая на детскую площадку, была крупнее той, что снесла капот машины на мосту, — размером, пожалуй, с крупного волка, если бы у волков бывала шкура цвета старого асфальта и суставы, гнущиеся не в ту сторону, к которой привыкал глаз. Она приземлилась прямо на песочницу, разметав по сторонам забытый пластиковый экскаватор, и на мгновение застыла, поводя безносой головой из стороны в сторону — принюхиваясь, судя по всему, тем самым способом, которым принюхиваются существа, у которых нос — понятие скорее метафорическое.

Демьян успел за долю секунды подумать о заборе школы — высоком, но, может быть, не настолько высоком, чтобы не рискнуть, — и рванулся именно туда, на бегу цепляясь взглядом за верхнюю перекладину, прикидывая, хватит ли рук и сил на один-единственный отчаянный рывок вверх. Ответ он получил раньше, чем успел добежать: тварь, до этого момента лишь принюхивавшаяся, сорвалась с места с таким ускорением, что земля под её лапами глухо хрустнула, и в мгновение ока оказалась между Демьяном и забором, отрезав единственный путь наружу так же легко, как перечёркивают неудачную строчку в черновике.

Демьян не стал ждать, чем закончится следующая часть этого знакомства. Он метнулся влево, за турник, — не пото-

му, что турник мог его защитить, а потому, что тело снова, как и на мосту, приняло решение быстрее разума, — и в ту же секунду тварь прыгнула туда, где он стоял мгновением раньше, с такой скоростью, что воздух хлопнул позади него коротким, злым щелчком.

«Внимание. Обнаружена враждебная сущность. Класс угрозы: низкий (для среднестатистического носителя тира D и выше). Рекомендованная тактика для носителя тира E: избегать прямого контакта» — вежливо сообщила система, будто зачитывала инструкцию по технике безопасности человеку, у которого уже не было времени её слушать.

— Спасибо, — процедил Демьян сквозь зубы, огибая турник по кругу, пока тварь разворачивалась следом, — я как-то догадался.

Никакого оружия у него не было — только рабочая термосумка, давно пустая, да пластиковая карта доставки в кармане, которая едва ли годилась даже на то, чтобы напугать существо из другого мира. Зато вокруг была детская площадка целиком: турник, качели на толстых цепях, металлическая горка, песочница и куча старых, потрёпанных временем деревянных лавочек, — и Демьян, петляя между всем этим на пределе дыхания, впервые за день начал не просто бежать, а думать при этом хотя бы немного вперёд.

Тварь была быстрее — намного быстрее — но не умнее его, и не привыкла, судя по всему, к тесноте металлических конструкций: когда она в очередной раз прыгнула наперерез,

Демьян нырнул под низкую перекладину качелей, и тварь, не рассчитав траекторию, врезалась плечом в стойку с таким силовым лязгом, что вся конструкция качелей содрогнулась и коротко взвыла ржавым металлом. Существо взвизгнуло — тонко, почти обиженно, совсем не так грозно, как рычало секунду назад, — и Демьян вдруг с холодной, отрезвляющей ясностью понял: ему было больно. По-настоящему больно, не картинно.

«Метка Изнанки», — вспомнил он краткое системное описание. Способность распознавать существ, связанных с разломами. Он не был уверен, что именно она сейчас делала, но перед глазами, наложенное на саму тварь полупрозрачным контуром, вдруг проступило нечто похожее на слабую, едва заметную полосу — там, где раньше была просто шкура цвета старого асфальта, теперь читалось что-то вроде запаса прочности, ощутимо просевшего после удара о стойку.

Мысль оформилась быстро, почти инстинктивно: если тварь не умеет тормозить вовремя и не любит бить по железу, значит, именно железо и нужно подставлять ей на пути — снова, и снова, пока эта едва заметная полоска не просядет до конца.

Легче было решить это, чем сделать. Тварь, отряхнувшись от удара о стойку, пришла в себя быстрее, чем Демьян рассчитывал, — и на этот раз явно перестала действовать одним только слепым напором. Она обошла качели по широкой дуге, будто и правда чему-то научилась за последние тридцать

секунд, и атаковала не в лоб, а сбоку, там, где никакого металла между ней и добычей уже не было. Демьян едва успел вскинуть руку, защищая горло, — удар пришёлся вскользь по предплечью, не разодрав кожу, но откинув его в сторону с такой силой, что он полетел спиной вперёд прямо на песочницу, подняв облако мелкого, забившегося в глаза песка.

Он выкарабкался наружу почти вслепую, отплёвываясь и моргая, и не успел толком прийти в себя, как тварь, разъярённая собственным промахом, атаковала снова, — на этот раз почти без замаха, без единой доли секунды на реакцию: острые, кривые когти прошли по предплечью, разодрав рукав куртки и кожу под ним, и Демьян со сдавленным криком повалился на утоптанную площадку, чувствуя, как горячая, липкая боль растекается от локтя к плечу. Термосумка отлетела в сторону. Мир на секунду сузился до одной-единственной мысли, простой и абсолютно животной: *не двигайся, если хочешь, чтобы следующий удар пришёлся не в шею.*

Он откатился — не грациозно, не героически, а так, как откатываются люди, которых чудом миновала смерть на долю секунды, — под самую горку, туда, где между лесенкой и скатом оставался узкий, тесный промежуток, недостаточный для того, чтобы туда протиснулась тварь такого размера. Она попыталась — всей массой ударилась в металлический край горки, взвыла снова, на этот раз уже громче, злее, — и Демьян, зажимая рукой располосованное предплечье, понял, что у него, кажется, появилось несколько секунд, за ко-

которые нужно было успеть придумать что-то умнее, чем «сидеть тихо и надеяться».

Взгляд зацепился за старую деревянную лавочку в паре метров — покосившуюся, с одной отломанной ножкой, торчащей из земли острым, ржавым штырём креплений. Именно такие лавочки годами не убирал ни один коммунальный трест Северодольска, и, кажется, впервые в жизни Демьян мысленно поблагодарил городское ЖКХ за неисполнительность.

Он выждал момент, когда тварь, разъярённая неудачной попыткой протиснуться следом, отступила на шаг для нового разгона, — и, стиснув зубы от боли в руке, рванулся из-под горки в сторону лавочки, на ходу хватая её за уцелевший край. Тварь среагировала мгновенно, прыгнула наперез его новому положению — и напоролась передней лапой ровно на торчащий из земли ржавый штырь, провернувшись всем телом от боли и неожиданности.

На этот раз взвизг был совсем другим — низким, хриплым, с явственной ноткой паники. Полупрозрачная полоска над тварью, которую Демьян по-прежнему видел краем какого-то нового, ещё непривычного чувства, просела почти до предела. Существо припадало теперь на переднюю лапу, двигалось рвано, неуверенно, — и впервые за всю схватку не оно диктовало темп, а Демьян, сжимающий в здоровой руке отломанную ножку лавочки, как единственное подобие оружия, какое у него было.

— Ну давай, — прохрипел он, сам не зная толком, кому это говорит — твари, системе или себе самому, — давай, вставай, если ещё можешь.

Существо не встало. Оно отползло на пару шагов, забилось в угол между горкой и забором школы, припадая на раненую лапу, и издало звук, которого Демьян никак не ожидал услышать от твари, минуту назад пытавшейся выпустить ему кишки, — тихий, почти жалобный скулёж, обращённый явно не в пустоту, а непосредственно к нему.

Только теперь, когда двигаться больше было некуда и не от кого убегать, тело Демьяна решило наконец предъявить счёт за последний час целиком. Руки затряслись так, что деревянная ножка лавочки едва не выпала из пальцев, колени подогнулись, и он тяжело осел на утопанную землю в паре шагов от существа, чувствуя, как кровь из располосованного предплечья тёплыми, частыми каплями капает на песок между ними. Голова кружилась — не от боли даже, а от того особого, послешокового звона в ушах, который наступает, когда организм наконец перестаёт делать вид, что всё под контролем.

Он посмотрел на собственную руку — рукав куртки был разорван в клочья, кожа под ним расчерчена тремя глубокими, обильно кровоточащими полосами — и мысленно, каким-то отстранённым, почти академическим тоном отметил, что случись этот бой на десять секунд иначе, вместо руки эти же три полосы пришлись бы на горло. Мысль была непри-

ятной ровно настолько, чтобы её захотелось поскорее заесть чем-нибудь другим — хоть новой порцией ярости, хоть простым фактом того, что он всё-таки жив.

Он стянул с себя то, что осталось от рукава, и туго перемотал им предплечье — не потому, что где-то на курсах или в интернете видел, как правильно накладывать жгут при глубоких порезах, а исключительно по наитию, которое подсказывало, что кровь лучше держать внутри тела, а не снаружи. Получилось криво, узел то и дело сползал, но кровотечение хотя бы немного унялось, и это уже было больше, чем он смел надеяться минуту назад. Всё это время существо в углу площадки не двигалось — только следило за ним двумя тёмными, неожиданно осмысленными глазами, в которых читался не голод и не ярость, а что-то куда более похожее на настороженное, почти человеческое ожидание.

Именно в этот момент, пока Демьян стоял с занесённой над головой деревянной ножкой лавочки, не зная толком, добивать существо, жалеть его или просто падать в обморок от кровопотери, перед глазами вспыхнуло ещё одно системное окно — не такое, как раньше, не сухое и не безразличное, а с непривычной, почти торжественной интонацией, будто система наконец нашла повод заговорить о чём-то действительно важном:

«Цель признала поражение. Доступна опция: Контракт Подчинения. Внимание: данная опция не описана в стандартном руководстве адаптации и доступна исключительно

но носителям специализации „Подчинение”. Заключение контракта вместо уничтожения цели?»

Демьян замер, так и не опустив занесённую ножку лавочки, глядя то на скулящее, истекающее чем-то тёмным существо в углу площадки, то на светящийся, невозможный текст перед глазами, который предлагал ему решение, не значившееся ни в одном руководстве, ни в одном разговоре с системой за весь этот бесконечно длинный день.

Ещё утром — точнее, ещё каких-то восемь часов назад, хотя казалось, что между тем утром и этой площадкой пролегла отдельная человеческая жизнь, — всё, что система сочла нужным сказать про его класс, укладывалось в два слова: тир Е. Она даже не потрудилась объяснить, что «Укротитель» может что-то, помимо неопределённого «подчинения», и настойчиво рекомендовала избегать любого противостояния, будто заранее знала, что от него в бою пользы не больше, чем от той самой термосумки, которая так и валялась теперь где-то в песке рядом с турником. И вот теперь, когда он сам, без единой подсказки, каким-то чудом продержался достаточно долго, чтобы существо признало поражение, система вдруг заговорила совсем другим тоном — торжественным, почти заинтересованным, — будто до этого момента просто ждала, докажет ли он вообще право дослушать этот разговор до конца.

Существо в углу заскулило снова, тише прежнего, — не так, как скулят, готовясь к новому броску, а так, как скулят,

признавая, что бросков больше не будет. Демьяну вдруг пришло в голову, что за этим тихим звуком, возможно, пряталось единственное, чем поистине могла быть его специализация: не способность бить сильнее других, а способность — если найти в себе на это достаточно выдержки, достаточно хладнокровия, а может быть, и достаточно безрассудства — превращать то, что должно было его убить, во что-то другое, пока никто, включая саму систему, толком не знал, во что именно.

Демьян так и стоял посреди разгромленной детской площадки — с занесённой деревянной ножкой лавочки в одной руке, с наспех перемотанным, всё ещё кровоточащим предплечьем, — и смотрел то на скулящее существо в углу, то на терпеливо мерцающий перед глазами вопрос, который требовал ответа прямо сейчас, здесь, без единой возможности взять паузу и посоветоваться хоть с кем-нибудь на всём белом свете.

Глава 5. Первый контракт

Он мог, наверное, придумать десяток разумных причин отказаться. Существо минуту назад пыталось вспороть ему горло. Никто не гарантировал, что «признание поражения» не окажется уловкой, разыгранной ради того, чтобы подобраться ближе на расстояние последнего, добивающего броска. Опция не описывалась ни в одном руководстве — а вещи, не описанные в руководствах, обычно оказываются либо чьей-то недоработкой, либо чьей-то ловушкой, и Демьян за свои двадцать четыре года ни разу не встречал третьего варианта.

Но было и другое, куда менее разумное соображение, перевесившее в итоге все остальные: если он сейчас проигнорирует единственную функцию собственного класса, ради которой, судя по всему, тот вообще существовал, — тир Е навсегда так и останется тиром Е, и следующая тварь на его пути точно так же будет быстрее, сильнее и удачливее, а самого его хватит спасти разве что ещё одна счастливая ржавая железка, торчащая из земли в нужном месте. Удача не бесконечный ресурс. Рано или поздно она заканчивается — обычно в самый неподходящий момент.

— Ладно, — сказал он вслух, ни к кому конкретно не обращаясь, кроме светящегося текста перед глазами. — Давай посмотрим, что ты вообще такое.

«Подтверждение получено. Иницирую Контракт Подчинения».

Ощущение, накрывшее его в следующую секунду, меньше всего напоминало то, что рисовало воображение, начитавшееся в своё время фэнтезийных обложек в переходе у метро, — никакой вспышки света, никакого торжественного гула. Просто на мгновение мир вокруг стал очень тихим, будто кто-то одним движением приглушил все звуки до едва слышного фона, а между Демьяном и скулящим в углу существом протянулась — не в буквальном смысле, а в каком-то новом, только что открывшемся чувстве — тонкая, ровная нить, которую он не мог бы описать словами точнее, чем «связь», но которую отчётливо ощущал всем телом, как ощущают внезапно онемевшую руку, только наоборот: не онемение, а появление чего-то, чего раньше попросту не было.

Существо перестало скулить. Оно подняло голову, посмотрело на Демьяна уже не настороженно, а с совершенно другим, новым выражением — трудно было подобрать человеческое слово для того, что происходит в глазах у существа без нормального лица, но ближе всего было бы «облегчение», — и, тяжело приволакивая раненую лапу, подползло на пару шагов ближе, ткнувшись тупым, безносым рылом ему в колено.

Демьян замер, не зная толком, гладить его теперь полагается, отдавать команду или просто стоять и не шевелиться, — но рука сама, помимо воли, опустилась на жёсткую, шер-

шавую, будто асфальтовую кожу, и существо издало короткий, довольный звук, отдалённо напоминающий урчание, если бы урчать могло что-то, у чего вместо лёгких, по всей видимости, был совсем другой орган.

Тут же, без всякого предупреждения, перед глазами развернулось сразу несколько окон подряд — куда более подробных, куда более щедрых на объяснения, чем всё, что система соизволила выдать за прошедшие несколько часов:

«Контракт заключён. Специализация „Подчинение” активирована в полном объёме. Доступные активные навыки: Приказ (базовый), Связь Контракта (пассивно — ощущение состояния подконтрактного существа на любом расстоянии в пределах города), Перенаправление Урона (активно, ограничено). Тир класса скорректирован: D (потенциал к росту — не ограничен стандартной шкалой)».

Демьян перечитал последнюю строчку три раза подряд, точно так же, как несколькими часами ранее перечитывал первую, унижительную версию своего статуса, — только на этот раз чувство было ровно противоположным. «Тир D» — уже само по себе неплохо, догоняло того самого счастливика с огнём в ладони. А «потенциал к росту не ограничен стандартной шкалой» звучало и вовсе как нечто, ради чего действительно стоило пережить располосованное предплечье и детскую площадку, превращённую в поле боя.

«Значит, вот в чём был смысл, — подумал он, глядя на тварь, тершуюся о его ногу с настойчивостью большой, слег-

ка помятой жизнью собаки. — Не в том, чтобы бить сильнее всех. А в том, чтобы после драки оставаться с кем-то, а не в одиночестве».

Тварь требовала имени — не то чтобы система на этом настаивала прямым текстом, но само существо смотрело на него с таким явным, почти щенячьим ожиданием, что не называть его хоть как-нибудь казалось откровенно невежливым.

— Уголь, — сказал Демьян, оглядев тёмную, шершавую шкуру, которую иначе описать было сложно. — Будешь Уголь. Не самое оригинальное имя, но тебе, подозреваю, всё равно.

Существо — теперь, судя по всему, официально Уголь — толкнулось лбом в его ладонь ещё раз, будто одобряя выбор, и Демьян, глядя на него сверху вниз, впервые за весь этот немислимый день позволил себе короткий, усталый смех — не радостный, скорее похожий на нервный выдох человека, который только что понял, что не умрёт сегодня, по крайней мере, не прямо сейчас.

Он решил, раз уж выдалась редкая передышка, сразу проверить, что вообще означает загадочный навык «Приказ (базовый)», значившийся в списке новых возможностей. Мысленно, примерно так же, как раньше обращался к системным окнам, он попробовал сформулировать самую простую команду, какая пришла в голову:

— Сидеть.

Уголь послушно, без малейшей заминки, опустил на

задние лапы — причём не с обычной звериной неуклюжестью, а с какой-то новой, будто подсвеченной изнутри готовностью, словно сама команда прошла не через уши, а напрямую через ту самую тонкую нить связи, соединившую их несколько минут назад. Демьян ощутил слабый, почти неразличимый толчок где-то в солнечном сплетении — судя по всему, ту самую плату за использование навыка, о которой ему ещё предстояло узнать куда больше, — и, окрылённый неожиданным успехом, рискнул попробовать что-то посложнее:

— Ко мне.

Уголь тут же поднялся и, прихрамывая на раненую лапу, послушно проковылял те несколько шагов, что их разделяли, ткнувшись мордой ему в колено — хотя, если вдуматься, он и без всякой команды делал ровно то же самое минуту назад просто по собственному желанию. Разница, впрочем, ощущалась явственно: на этот раз это было не порывом благодарности со стороны существа, а результатом чёткой, послушной связи между командой и исполнением — ровно тем самым «подчинением», ради которого, судя по всему, и существовал весь его класс.

«Тир D, — подумал Демьян, глядя на то, как покорно Уголь усаживается рядом с его ногой в ожидании следующего распоряжения. — Может, ещё не «Искровой маг» с настоящим огнём в руках, но уже, чёрт возьми, не пустое место».

Мысль о матери, к которой он так и не успел дойти, всплы-

ла в голове с неприятным, запоздалым уколом совести — он ведь свернул в эти дворы именно ради неё, а не ради того, чтобы устраивать смертельные бои на детской площадке и обзаводиться четвероногими союзниками. Он снова полез за телефоном — на этот раз, кажется, сеть чуть ожила, хотя бы одна полоска связи мигала в углу экрана, — и как раз в тот момент, когда набирал номер заново, со стороны входа во двор, там, где ещё утром играли дети, а сейчас лежали обломки детской площадки, послышались голоса. Не паникующие, не растерянные — а собранные, деловитые, привыкшие командовать даже в чужом, наполовину разгромленном дворе.

Демьян обернулся. У арки, ведущей со двора на улицу, стояли трое — не случайные прохожие, а люди в одинаковых тёмных куртках с одинаковой нашивкой на плече, вычурным гербом в виде переплетённых волчьих клыков, какую Демьян уже видел однажды на местном форуме района, где обсуждали, кто именно контролирует продажу редких находок с городской барахолки. Один из троих, повыше остальных, с короткой седой щетиной и взглядом человека, привыкшего мгновенно оценивать людей по их полезности, медленно обвёл взглядом разгромленную площадку, ржавую лавочку со следами крови, самого Демьяна — а потом, чуть дольше, задержался на существе, покорно жмущемся к его ноге.

— Ну надо же, — сказал он негромко, ни к кому конкрет-

но не обращаясь, с той особой интонацией, с какой опытные охотники за редкостями говорят, неожиданно наткнувшись на что-то куда более ценное, чем рассчитывали найти на обычном выезде по городским разломам. — А ты, значит, и есть тот самый укротитель, тир Е.

Демьян почувствовал, как по спине пробежал холодок, ничем не связанный ни с кровопотерей, ни с недавним боем. Он не успел ещё спросить, откуда этот человек вообще знает про его тир — телефон системы не разглашал подобные подробности случайным прохожим, — как сам же и вспомнил: конечно, парень с огнём в ладони, тот самый «Искровой маг», выкрикивал свой результат на всю улицу, при доброй половине двора. Слухи в такой день, судя по всему, разлетались куда быстрее, чем разлетаются в обычной жизни, и уж тем более быстрее, чем успевала оправиться от шока целая толпа свидетелей.

— Мы из «Стаи», — произнёс седой мужчина таким тоном, будто это название само по себе должно было исчерпывающе всё объяснить, и коротко кивнул на нашивку с волчьими клыками, будто в подтверждение. — Обходим разломы, помогаем гражданским, у кого класс... скажем так, недостаточно очевиден для самостоятельного выживания. — Его взгляд снова скользнул на Уголя, покорно замершего у ноги Демьяна, и в этом взгляде промелькнуло что-то куда более расчётливое, чем простое любопытство. — Только вот обычно такие, как ты, к моменту нашего появления либо уже

мертвы, либо всё ещё прячутся по подвалам. А ты, значит, времени зря не терял.

Двое других, стоявших чуть позади, за спиной седого, не произнесли ни слова — но один из них, помоложе, с короткой стрижкой и взглядом, цепляющимся за каждую деталь разгромленной площадки, что-то тихо шепнул напарнику, кивнув в сторону окровавленной лавочки и ржавого штыря, торчащего из земли, будто восстанавливал по этим уликам всю картину боя целиком — и картина эта, судя по его слегка приподнятым бровям, впечатляла куда больше, чем можно было ожидать от носителя тира Е.

Демьян молчал, крепко сжимая в свободной руке деревянную ножку лавочки — не потому, что всерьёз рассчитывал ею от кого-то отбиться, а потому, что выпустить из руки последнее, что помогло ему выжить за последний час, было почему-то страшнее, чем стоять перед тремя незнакомцами в одинаковых куртках, один из которых уже откровенно, не таясь, разглядывал его так, как разглядывают вещь, которую собираются купить — или забрать, если цена покажется несправедливо низкой.

«Стаю» Демьян знал — не близко, не по личному опыту, а тем расплывчатым, районным знанием, каким горожане обычно знают крупные структуры, ни разу напрямую с ними не столкнувшись. До Раскола это было что-то вроде клуба любителей выживания и страйкбола, полулегально державшего пару армейских складов на окраине; после Раскола, су-

дя по слухам с форума, «Стая» одной из первых сориентировалась в новых правилах игры и быстро прибрала к рукам едва ли не весь чёрный рынок находок с разломов в северной части города. Люди говорили о них по-разному — кто-то с уважением, как о единственной реальной силе, наведшей хоть какой-то порядок в первые часы хаоса, кто-то с плохо скрываемой опаской, понижая голос до шёпота при упоминании конкретных имён. Демьян никогда особо не задумывался, какая из этих версий ближе к правде. Теперь, судя по всему, ему предстояло выяснить это на собственном опыте.

— Предложение, — повторил он вслух, стараясь, чтобы голос звучал ровнее, чем ощущалось внутри. — Какое именно?

Северин улыбнулся — не широко, ровно настолько, чтобы улыбка читалась как дружелюбие, но не настолько, чтобы её можно было принять за искреннюю радость, — и сделал полшага вперёд, чуть склонив голову набок, будто разглядывая одновременно и Демьяна, и покорно замершего рядом с ним Угля, как единый, неразделимый актив.

— Меня зовут Северин, — представился наконец седой, чуть склонив голову, с той отточенной вежливостью, за которой обычно прячется что угодно, кроме искреннего дружелюбия. — И у меня к тебе, товарищ укротитель, есть предложение, от которого, я думаю, ты вряд ли захочешь отказываться.

Глава 6. Цена внимания

— Слушаю, — сказал Демьян, стараясь, чтобы это прозвучало нейтрально, без той настороженности, которая всё равно, судя по короткой усмешке Северина, прекрасно читалась у него на лице.

— Всё просто, — начал тот, разводя руками с видом человека, предлагающего исключительно взаимовыгодную сделку. — «Стая» берёт под опеку носителей с редкими, но низкотиловыми классами вроде твоего. Мы даём кров, защиту от других группировок, которые в первый же день начнут охотиться на слабых поодиночке, — а таких сегодня будет много, поверь мне, это не первый мой Раскол в других городах, где я успел побывать до Северодольска. Взамен контракт, который ты только что заключил, регистрируется на «Стаю»: формально существо остаётся твоим, а вот управление им, боевое применение, распределение задач — уже по нашему усмотрению. Ты получаешь безопасность. Мы получаем полезный актив под присмотром. Всем хорошо.

Он произнёс это так гладко, с такими правильными паузами в нужных местах, что было очевидно: подобную речь Северин уже говорил не в первый раз и, судя по уверенности в голосе, обычно получал в ответ согласие. Демьян покосился на Угля, тихо сидящего у ноги, — тот, кажется, что-то почувствовал через ту самую тонкую нить связи, потому

что напрягся, прижав уши, хотя никакой видимой опасности рядом не было.

— А если я откажусь? — спросил Демьян, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как обычное уточнение, а не как вызов.

— Тогда ты остаёшься сам по себе, — пожал плечами Северин, ничуть не меняясь в лице, — вместе со своим тиром D и одним контрактным существом, которое пока даже толком не умеет пользоваться половиной своих новых возможностей. Северодольск — город немаленький, разломов сегодня открылось достаточно, чтобы хватило на всех, и не все, кто сейчас разъезжает по городу вроде нас, действуют из соображений гуманизма. Есть группы попроще — их называют «сборщиками», — которые предпочитают не вербовать редкие классы, а просто их изымать, вместе с контрактами, вместе со всем содержимым карманов, а иногда и вместе со здоровьем бывшего владельца. Мы хотя бы предлагаем цивилизованный вариант.

В этой фразе — «мы хотя бы предлагаем цивилизованный вариант» — было ровно столько правды, чтобы её невозможно было с порога отбросить как блеф, и ровно столько скрытой угрозы, чтобы Демьян отчётливо понял: перед ним не благотворительная организация, а структура, которая обкатала эту самую вербовочную речь на десятках таких же расстерянных, только что получивших класс людей — и обкатала успешно.

— Подумай как следует, — добавил Северин, слегка на-

клонив голову, будто взвешивая, стоит ли пускать в ход последний, самый весомый аргумент. — Мы ведь не первый час катаемся по этому району. У тебя, кажется, мать живёт в соседних кварталах — многоэтажка у аптеки на Полевой, если не ошибаюсь? Сегодня там, как и везде, беспокойно. «Стая» уже держит пару патрулей в том районе — просто на всякий случай, ты понимаешь. Было бы жаль, если бы кто-то из наших ребят вдруг не смог вовремя сообразить, что вон тот дом на Полевой заслуживает особого внимания, — не потому что мы такие уж злодеи, а просто потому, что внимание, как ты, видимо, уже успел понять сегодня, штука не бесплатная. Оно достаётся тем, кто в нашей команде.

Демьян почувствовал, как внутри что-то резко, неприятно похолодело — куда сильнее, чем от вида самой твари на детской площадке. То, что Северин знал про мать — знал даже адрес, — не было угрозой в лоб, но и назвать это случайным совпадением язык не поворачивался; это было именно тем, чем и представилось на первый взгляд: аккуратной, вежливо упакованной демонстрацией того, насколько легко «Стая» может дотянуться до всего, что ему дорого, если он вдруг решит, что независимость важнее безопасности.

— Это угроза? — спросил он тихо, чувствуя, как на месте недавнего страха перед тварью на площадке разгорается совсем другое, более холодное и собранное чувство.

— Это забота, — мягко поправил его Северин, разводя руками с прежним, почти отеческим видом. — Мы ведь

как раз про безопасность и говорим, верно? Просто безопасность — она бывает разной формы. Иногда это патруль у твоего подъезда. А иногда — просто патруль, который проезжает мимо, не особо задерживаясь. Разница исключительно в том, с кем именно ты решишь сотрудничать сегодня вечером.

Демьян посмотрел на Угля. Существо смотрело на него в ответ — тем самым, уже знакомым, почти человеческим взглядом, — и что-то в этом взгляде, пополам со свежей памятью о том, как сам он всю жизнь послушно подчинялся чужим правилам, требованиям заказчиков и четырёхзвёздочным рейтингам, не позволило ему просто кивнуть и согласиться на первое же предложение «цивилизованного варианта» рабства, пусть даже щедро приправленного защитой и крышей над головой — и уж тем более не позволило сделать это под скрытой угрозой в адрес человека, который был ему дорог не в теории, а на самом деле.

— Спасибо за предложение, — сказал он ровно, стараясь, чтобы голос не дрогнул на последнем слове, — но нет.

Один из молодых спутников Северина, тот, что разглядывал улики боя, издал короткий, недоверчивый смешок — не издевательский, скорее удивлённый, как будто отказ от подобной сделки в принципе не входил в список ожидаемых исходов этого разговора. Северин не рассмеялся. Он несколько секунд молча разглядывал Демьяна — уже без прежней дружелюбной улыбки, с чем-то куда более похожим

на переоценку, — и медленно кивнул, будто фиксируя для себя некий факт, который ещё предстояло обдумать в более спокойной обстановке.

— Твоё право, — сказал он наконец, и в голосе впервые прорезалась холодная, деловая нотка, которую до этого он старательно прятал за вежливостью. — Только учти: тир Е, извини, тир D — по-прежнему очень скромная стартовая позиция для человека, решившего играть в одиночку. Я бы на твоём месте не тянул с решением слишком долго. Предложение действует до заката — просто на случай, если передумаешь и захочешь найти меня через районный форум.

Он развернулся, коротко махнул своим спутникам, и все трое двинулись обратно к арке, ведущей со двора, — без спешки, без демонстративной угрозы, но и без единого взгляда назад, каким обычно провожают людей, которых считают достойными хоть какого-то дальнейшего внимания. Демьян проводил их взглядом, чувствуя, как медленно отпускает напряжение в плечах, — а следом за этим накатывает совсем другое, куда более неприятное чувство: ощущение, что он только что нажил себе врага, которого прежде у него попросту не существовало.

— Ну что, — сказал он вслух, обращаясь то ли к Углу, то ли к самому себе, — вот и первый настоящий взрослый выбор за сегодня. Надеюсь, не последний неправильный.

Слова Северина про Полевую улицу не выходили из головы — не потому, что Демьян всерьёз поверил, будто «Стая»

немедленно бросится мстить кому-то из его семьи за один вежливый отказ, а потому, что сама возможность такого разговора, сама лёгкость, с которой чужой человек в тёмной куртке упомянул адрес его матери, будто зачитывал строчку из давно заведённого досье, показывала: прежние правила, по которым частная жизнь курьера Демьяна Рокотова была никому не интересна и не нужна, перестали действовать вместе со всем остальным привычным миром.

Он снова выхватил телефон — рука тряслась чуть сильнее, чем следовало бы для простого набора номера, — и на этот раз, после нескольких долгих, мучительных гудков, в трубке щёлкнуло, и знакомый, слегка встревоженный голос произнёс:

— Демьян? Ты где вообще, у нас тут такое творится...

— Мам, — выдохнул он, и что-то тугое, зажатое в груди с самого утра, разом отпустило, стоило только услышать этот голос живым и почти обычным. — Ты цела? Дома сидишь?

— Дома, дома, куда я денусь, — ответила мать чуть раздражённо, тем самым тоном, которым обычно отвечают люди, испугавшиеся сильнее, чем готовы признать вслух. — Дверь заперла на все замки, как в новостях сказали. А у тебя что с голосом такое, ты чего дышишь так тяжело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.